

Когда подошли к городским воротам, произошло нечто неожиданное: ворота были на запоре, и никого не впускали в город. Официальная причина гласила, что среди беженцев затесались люди из армии разбойников, то есть из праведной армии крестьянского восстания. Хотя говорилось, что вход воспрещён, на деле не выпускали из города. Те, у кого голова варила, уже успели за последние дни сбежать, прихватив скарб. Градоправитель смекнул, что это отличный способ нажиться, и выставил заставы. Даже У Бяотоу не смог договориться, и в итоге пришлось отдать десять лянов серебра, чтобы выбраться из города. Хо Яцзы от злости всю дорогу изрыгал проклятия. Бай Цингэ не было жаль денег, но в душе у неё кипела горькая насмешка. Враг уже почти у ворот, а градоправитель не думает, как обороняться, а всё норовит нагреть руки — немудрено, что войне не видно конца. Такие люди в своём стане — паршивая овца, а в стане врага — разбойник, который ест мясо, не жуя костей.

Обоз выехал из ворот, и вокруг была та же картина, что и в день её рождения, только теперь она сама стала предметом завистливых взглядов беженцев. Неизменным осталось лишь одно: она всё так же была жирной овечкой. Чжу Цинъань прильнула к Бай Цингэ, и по лицу её было видно, что ей не по себе.

— Что случилось? Тебя укачало? — спросила она, легонько похлопывая Чжу Цинъань по плечу.

Та, прикинувшись к её плечу, покачала головой:

— Снаружи слишком шумно.

Бай Цингэ всё поняла. Не то чтобы просто шумно — снаружи просили подаяние, продавали детей, продавали жён... всё это разворачивалось прямо на их глазах. Слепая Чжу Цинъань перенесла всё внимание на слух. Даже взрослый со стойкой психикой не выдержал бы этого адского зрелища, что уж говорить о ребёнке.

Бай Цингэ обняла Чжу Цинъань, закрыла ладонями её уши и замурлыкала мелодию из прошлой жизни. Весёлый, залиvistый мотив отвлёк Чжу Цинъань от внешнего мира. Она никогда прежде не слышала, как поёт старшая сестра Цингэ. Быть так близко и не чувствовать тревоги — вот оно, счастье. И в голове у неё была одна мысль: с одной стороны — беззаботная жизнь, но тогда придётся часто расставаться с сестрой Цингэ. С другой — беспокойное бегство, но зато сестра Цингэ будет всё время рядом. Она чувствовала себя низкой, потому что выбрала второе.

С этой смутной тревогой в душе Чжу Цинъань постепенно уснула.

Очнулась она уже ночью. Те, у кого было хоть какое-то имущество, по взаимному молчаливому согласию держались подальше от беженцев и разбивали лагерь неподалёку. Среди прочих она заметила старого знакомого — того самого управляющего Фана.

— Уже стемнело? — спросила она.

Глаза Чжу Цинъань были слепы настолько, что она не воспринимала даже свет, и могла судить

об окружающем только по звукам.

— Ага, только что приходил Хо Яцзы, спрашивал, не хотим ли мы спуститься и погреться. Что скажешь? Пойдём?

Она ещё крепче прижала к себе Чжу Цинъань, но та покачала головой:

— Мне не холодно.

Тут у Бай Цингэ, видимо, проснулась совесть, и она не стала искать предлога уйти. В незнакомом месте, особенно для слепого человека, тревога возрастает до предела. Будь у неё хоть капля совести поменьше, последствия оказались бы в несколько раз, а то и в десятки раз серьёзнее, чем обычно. К счастью, в ней ещё теплилась искра совести, и она не могла так издеваться над невинной девушкой.

Справили поздний ужин, постелили постель, но Чжу Цинъань вдруг застеснялась. Сначала Бай Цингэ подумала, что девушка просто робеет, и отчасти это было так, но оказалось, что дело в другом — ей нужно было в туалет. Девушка была слишком застенчива, чтобы даже сказать об этом.

— Давай здесь, — сказала Бай Цингэ. — Не бойся, я за тобой присмотрю.

Она отвела Чжу Цинъань за небольшой холмик. Стоя спиной к свету, если никто специально не подойдёт и не заглянет, разглядеть ничего было нельзя. Но стоило им выйти, как Чжу Цинъань словно окаменела, застыв столбом.

Бай Цингэ удивилась. Чжу Цинъань хоть и выглядела как настоящая госпожа, на самом деле была совсем не капризной — всё-таки она пережила голод.

— Я и бумагу принесла, — ляпнула Бай Цингэ без намёка на такт.

Если речь шла о деловой хватке, она была на высоте, и в житейских делах тоже разбиралась отлично. Но вот в этом она была поразительно бестактна и при этом мнила себя молодцом. Чтобы в туалет да с бумагой — такого даже она сама не видывала. Такая забота, и как после этого не выполнить задание? Самодовольно подумала Бай Цингэ, пока не глянула на интерфейс Симулятора.

Чёрт. Точно не выполнила. Не зря он её Враг На Всю Жизнь — даже идеальный план не сработал.

Чжу Цинъань не ведала о буре в голове Бай Цингэ. Она только чувствовала, как невыносимо тесно, и не только внизу, но и в груди. Лицо её покраснело от напряжения, и она еле слышно, комариным писком, выдавила:

— Сестра Цингэ, ты не могла бы отойти подальше?

Ха, так вот оно что — девушка застеснялась. Отойти подальше было нельзя: никаких фонарей у неё с собой не было, и если отойти, она тоже ничего не увидит, а вдруг что случится? Сначала она хотела прояснить: это не какое-то там извращённое любопытство, в голове у неё была только безопасность. Но девушку надо было ублажить.

— Хорошо-хорошо, я отойду.

Бай Цингэ принялась топтать на месте, а голос её становился всё тише и тише, словно она и правда отдалялась.

— Всё, я уже далеко, начинай.

Чжу Цинъань молчала. Она вцепилась в подол платья, готовая расплакаться. Разве могли эти детские уловки обмануть её? Пусть у неё не было боевого опыта, но сейчас её уже можно было назвать мастером. Она и ходила-то без поддержки, а притворялась слабой только ради того, чтобы провести больше времени с вечно занятой сестрой Цингэ. Не стоит думать, что у белого и пушистого кролика нет своих хитростей.

Бай Цингэ прикрыла рот рукой, изо всех сил сдерживая смех. Милого кролика нужно поджарить на огоньке — так он будет ещё милее.

— Всё-всё, хватит тебя дразнить. Отойти подальше не могу, но я отвернусь.

Бай Цингэ покрутилась на месте несколько раз. Так ты хоть заговори меня, не отличишь.

Под давлением и мочевого пузыря, и рассудка Чжу Цинъань и правда потеряла ориентацию. Она знала, что Бай Цингэ вечно любит подшучивать, и уговоры тут бесполезны, но смогла уговорить себя. В конце концов, они обе девушки, даже если та и увидит, ничего страшного. К тому же сестра Цингэ не обычный человек. Рассудок говорил ей так, но тело всё равно не слушалось, и она никак не могла решиться.

— Ещё не готова? Кажется, кто-то идёт нас искать.

Голос, похоже, и правда звучал не в её сторону. То есть сестра Цингэ на этот раз действительно отвернулась? Она с облегчением выдохнула, но вместе с тем в груди зашевелилась смутная горечь.

<http://bllate.org/book/18858/1839492>